

Константин Дмитриевич Ушинский о воспитании убеждений в «Письмах о воспитании наследника русского престола»

«Нет сомнения, что воспитание должно действовать не на одно увеличение запаса знаний, но и на убеждение человека».

«Говорить о воспитании наследника в настоящем его возрасте — всё равно что говорить о том, развитию каких убеждений должен способствовать по возможности его воспитатель... Вопрос необъятный, подавляющий своей громадностью самый смелый ум».

В свете величины и уникальности педагогического таланта К. Д. Ушинского было бы неразумно оставить без внимания какие-либо, даже самые малые или сокровенные, его педагогические труды и размышления. Всякому человеку, занимающемуся педагогической деятельностью, да и не только ею, полезно ознакомиться с «Письмами о воспитании наследника русского престола», которым суждено было появиться в публикациях лишь спустя 50 лет со времени их написания.

Четыре «Письма» носят личный характер и адресованы единственному человеку, общественное положение которого стоит на высоте, недотягаемой для подавляющего большинства людей. В них содержатся размышления о разнообразных изъянах общественных явлений, волнующих ум и сердце автора: об упадке общественной и административной нравственности, о бюрократизме чиновников, о недостатках образования в средних учебных заведениях, о «детском желании» подражать западным преобразованиям, о неспособности иноземных учителей постичь духовные потребности нашего народа и пр. Глубокий анализ и нелицеприятная оценка автором этих явлений — отстоящих от нас почти на два века, но имеющих место и в нашем обществе — весьма полезны и актуальны для современного читателя.

Однако самым ценным и значимым в «Письмах» является воспитательный аспект, который, по мнению автора, оказывает влияние на все стороны жизни человека. Перед нами возникает высочайший образец воспитания, которому, думается, следует подражать всякому, кто дорожит благородством и духовной зрелостью воспитываемой им души.

В письмах Константина Дмитриевича, адресованных императрице Марии Александровне, поручившей ему разработать методику воспита-

ния своего сына Николая Александровича (1843—1865), он со всей присущей ему искренностью и глубиной определяет своё отношение к воспитанию не только как к делу важному, но и как к делу святому. «Дело воспитания — такое важное и такое святое, именно святое дело, такое решительное и непоправимое, что рука всякого истинно русского человека, прикасаясь к нему, невольно задрожит. Здесь сеются семена благоденствия или несчастья миллионов соотечественников, здесь раскрывается завеса будущего нашей Родины...»

Подчёркивая значимость воспитания, К. Д. Ушинский указывает на непреложную связь воспитания со всей дальнейшей личной и общественной жизнью человека и утверждает, что именно воспитание всех членов общества совокупно оказывает благотворное или пагубное влияние на будущее всего общества, на будущее Отчизны.

К воспитанию наследника престола К. Д. Ушинский относится как к делу, «которое своим обширным значением если не превосходит, то по крайней мере равняется с самыми высокими государственными делами и реформами». На страницах своих писем он высказывает по этому вопросу особое, по его утверждению, — «старательно взвешенное мнение».

Константин Дмитриевич отмечает, что детский возраст — это первая пора воспитания, когда «бессознательно, под влиянием окружающей его воспитательной атмосферы, образуется привычка и полагается прочное начало полусознательным наклонностям». В этот период «влияние матери... делает несравненно более, чем всякое влияние учителя или воспитателя». Главными нравственными плодами для ребёнка этого возраста будут воспитанные в нём «добрые и благородные наклонности».

Но более важное значение К. Д. Ушинский придаёт воспитанию детей, вступающих и уже вступивших в подростковый возраст: «Теперь настает пора воспитания идеи, мысли, таинственная формация взглядов на жизнь и убеждений». Следует заметить, что в эту пору автор предлагает обратить особое внимание не на развитие умственных или интеллектуальных способностей как таковых, но на думы, помыслы, суждения, умозаключения воспитанника — именно они со временем и перерастут в его убеждения. «Формация взглядов на жизнь», иными словами, формирование мировоззрения, происходит неприметным для окружающих образом где-то в глубинах юношеского сознания, а потому — таинственно. Несомненно, что к пониманию этой «таинственной формации взглядов» можно приблизиться лишь в свете педагогической антропологии человека, являющейся основанием педагогической системы К. Д. Ушинского. Только благодаря этому фундаменту — «всестороннему изучению человека» — осмысление воспитания и воспитательного воздействия достигает своей полноты.

«В этом возрасте советы, наставления уже мало помогают, — пишет Константин Дмитриевич. — Юность любит свои рождающимися силами и не любит ходить на помочах. Здесь уже возможны только свободные убеждения, овладевающие мыслью, пленяющие воображение и потом уже проникающие в сердце и характер. В эти годы добрая или худая почва человека уже готова, весна началась, и земля ожидает только семян: душа раскрылась и готова по своим свойствам дать более или менее богатую жатву тех плодов, семена идеи которых будут в неё брошены. Таким образом, в шестнадцатилетнем возрасте начинается в человеке образование убеждений под влиянием тех явлений, которые его окружают, и тех мыслей, которые в нём пробуждаются этими явлениями».

Опытные педагоги на практике знают, что подростковый возраст — особо сложный период в возрастании ребёнка и требует пристальной заботы и повышенного внимания к его переживаниям — к тому, куда склоняются его интересы, какое влияние оказывает на него его окружение, какая духовная пища насыщает его душу. Ведь именно благодаря всему этому у него формируется собственное мнение, собственное отношение к происходящим событиям, собственная оценка окружающих вещей и явлений. И важно употребить все возможные усилия, чтобы не пустить на самотёк, а направить в нужное русло этот важнейший процесс формирования умонастроений подростка, которые и взрастят его убеждения, и определят его будущее мировоззрение. Воспитательное влияние на подростка должно быть и мудрым, и деликатным — об этом в первую очередь следует помнить окружающим его взрослым и не только в школе, но и дома, где взрослеющие дети свободны от социальных ролей, имеют гораздо большую свободу самовыражения, а потому и более искренни в своих проявлениях. Методика воспитания подростков непременно должна учитывать важное наставление Ушинского: «Воспитание... не имеет даже права создавать вполне законченных убеждений, не имеет даже права посягать на свободу души человеческой. Оно только открывает путь образованию убеждений и, пользуясь вековой опытностью науки, защищает юное, формирующееся убеждение от всех положительно вредных влияний».

А потому не в недостатке ли педагогического умения, терпения и такта кроются причины подростковых конфликтов со старшими и различных молодёжных социальных бунтов: когда ещё несформированные, не подтверждённые жизненной практикой воззрения приходят в несогласие с опытными житейскими взглядами и когда ещё незрелые убеждения юных подвергаются неприятию или давлению со стороны взрослых? Вместе с тем Ушинский отмечает, что в воспитателе «всега важнее его собственное убеждение, потому что надеть маску каких бы то ни было убеждений в деле воспитания невозможно. Юность чрезвычайно чутка,

и мертвящий холод притворства нечувствительно, бессознательно отразится в воспитании».

Как правило, у человека истинность собственных убеждений не вызывает никаких сомнений. И это понятно: «Убеждение — то, в чём кто-либо убеждён, уверен, чему твёрдо и рассудительно верит. Убедиться — увериться, поверить чему, дознав истину» (В.И.Даль). «Воспитывая человека, который должен стоять вверху всего, знать и понимать всё, должно прибегать только к истине», — утверждает Ушинский. О том, насколько это важно, свидетельствует его горячая молитва за юного наследника: «О дай, Боже, чтобы ни одно дурное семя не попало даже как-нибудь нечаянно в эту юную душу, которой суждено быть душой 60 миллионов русского народа!»

Вольное или невольное искажение истины, её подмена не проходят для воспитанника бесследно. Псевдоценности и даже самые малые неправды, в которые поверит подросток, непременно сформируют в нём душевредные убеждения, которые со временем, развратив его нрав, повлекут за собой губительные последствия. Воспитателю следует старательно показывать воспитаннику ориентиры истинного пути, предупреждая об опасностях, изобличая лукавые приманки и скрытые сети для уловления его неискущённой и в силу возраста доверчивой души. Ушинский учит, что нужно заботливо освещать «путь молодой душе, показывая ей те пропасти, куда провалились другие и обманчивой обстановкой которых могла бы и она увлечься по своей неопытности. Тут же незачем прикрывать и полужакрывать всякие опасные места жизни, а напротив, надобно открывать их и показывать в том виде, в каком они действительно существуют».

Возможно, современное либеральное сознание, провозглашающее незыблемость человеческих прав и свобод, может заподозрить в таком оберегающем, опекающем юную душу подходе попытку покушения на её право свободного самосознания и свободного выбора... Ему может показаться единственно верным то, что наследнику престола следует как можно раньше вступить в надлежащие права и войти в обстановку и атмосферу своего будущего высокого положения. Но великий педагог предостерегает: «Дай Боже, чтобы всякого рода обыденные церемониалы и все опасности высокого положения не окружили его слишком рано, прежде чем в нём сформируются самостоятельные убеждения, прежде чем он сам уже собственными своими глазами, а не чужими, будет в состоянии дать настоящую оценку всему окружающему».

Педагогу не дано наверняка знать, кем станет его воспитанник и какое общественное служение ему предстоит нести в будущем, тем более ему следует помнить о предупреждении Ушинского, что «чем благороднее природа юноши, чем сильнее бьёт в сердце его родник того

великого чувства общественности... тем легче он предаётся утопии». Ушинский пишет, что «молодая благородная душа» иногда даже бывает не в состоянии распознать «нравственное безобразие очаровавшей её идеи», подчёркивая тем самым необходимость и значимость своевременного нравственного педагогического влияния. «Чем выше стоит человек на общественной лестнице, тем привлекательнее и изящнее окружающие его формы жизни и тем легче может он увлечься этими формами и не заметить содержания. Вот почему, чем выше поставлен человек в обществе, тем более воспитание должно стараться увлечь его красотой и глубиной содержания мысли, идеи; тем прочнее должно оно укоренить в душе его убеждения, что всякая пышность и блеск есть только мишура, стоящая много сил, времени и денег и не имеющая никакого значения ни в истории, ни для благоденствия народа, ни даже для счастья того, кто окружает себя этою пышностью, этим блеском».

Предупреждая о том, что роскошь, парадность и внешние излишества могут стать соблазном для юного воспитанника, Ушинский ясно, со всей простотой выражает главную задачу и цель воспитания юноши — «дело воспитания, следовательно, состоит в том, чтобы занять ум воспитанника в это время такими идеями и мыслями, которые могут со временем принести в нём добрые плоды». И эти плоды — воспитанные нравственные убеждения — смогут уберечь его от подстерегающих на жизненном пути искушений и стать прочным основанием для добродетельной жизни.

«Воспитание наследника должно быть духовно-эстетическое», — уверяет Ушинский. «Всё в мире имеет форму и содержание, но редко форма соответствует содержанию, а часто случается наоборот, что под пышной формой вовсе нет никакого содержания, а незначительная, по видимому, форма скрывает иногда бесконечно глубокое содержание».

Какие знания, по мнению Ушинского, необходимы воспитаннику и в первую очередь должны усваиваться им из преподаваемых наук?

Социальные или общественные науки Константин Дмитриевич предлагает преподавать в форме откровенной, душевной беседы, начав «с самых известных законов физической природы и постепенно... возвыситься до нравственных законов мира духовного». Ушинский неизменно обращает внимание на их воспитательный потенциал: «Преследуя чисто научную цель, науки общественные должны стремиться к достижению и другой — воспитательной; они должны оказать действительное влияние на образование в слушателе правильных общественных убеждений». В постижении эстетических наук для ученика «важнее то одушевление, которое подвигает человека на хорошее дело и иногда придаёт полезному делу привлекательный художественный оттенок». «Преподавание юридических наук... должно развить... естественное, врождённое человеку

чувство справедливости», а также способность отличать «существенное от несущественного». «Преподавание политических наук должно показать с полной ясностью будущему монарху России всю невозможность, чудовищность деспотизма в европейском и христианском государстве... Пусть он вынесет из изучения политических наук глубокое убеждение на всю жизнь, что слова „неограниченная монархия“... вовсе не означает того, что неограниченный монарх может делать, что ему угодно. Неограниченной власти в смысле неограниченного произвола нет на земле — да нет и на небе, потому что если религия и приписывает Творцу неограниченность власти, то не потому, чтобы он мог делать добро и зло, но потому, что ему не нужно ограничивать себя, ибо зло невозможно для существа, вся сущность которого есть благо... Наука общества должна... показать до очевидности ясно, что не одни только законы физической природы, но и законы природы духовной, законы религии, законы души человеческой, законы жизни общественных организмов и законы истории ограничивают неограниченного монарха бесконечно более, чем каждого из его подданных, и что нарушение этих законов так же неизбежно отомщается духовными болезнями и духовными страданиями, как нарушение законов физической природы болезнями и страданиями физическими».

Очевидно, что такой подход великого педагога к обучению самым разнообразным наукам, открывающий ученику прежде всего их общественную пользу и нравственную нацеленность, направлен на воспитание в нём человеческих убеждений, то есть воспитание «в человеке человека».

«Убеждения начинают формироваться в юности, но со временем они могут претерпевать изменения», — отмечает Ушинский. Но ведь если убеждения человека изначально основаны на «нравственных законах мира духовного», то они, как добротные паруса, при любых ветрах непременно приведут его в заветную гавань.

Воспитание, по словам К. Д. Ушинского, «есть только приготовление к самовоспитанию, и если воспитание было хорошо, то самовоспитание будет продолжаться всю жизнь. Принимая в свои руки бразды развивающейся человеческой природы, всякое воспитание должно оканчивать передачей их в руки самого воспитанника». Продолжая эту мысль, можно задать вопрос: «Но если воспитание было нехорошо?» Ответ очевиден. Если воспитание было нехорошо, то ошибки воспитания в юности приведут человека к инфантильному нежеланию самовоспитания и безответственности, то есть к эгоизму.

С сердечной скорбью Константин Дмитриевич пишет государыне императрице об отсутствии убеждений в русском образованном обществе, отчего, по его мнению, и проистекает множество нестроений во всех сферах общественной жизни. Отсутствие общественных убеждений —

прямое свидетельство отсутствия твёрдых нравственных убеждений у членов этого общества. Лишь немногих людей («немногих личностей»), нравственные убеждения которых выработались окончательно, К. Д. Ушинский называет лучшими людьми общества. И он вновь подчёркивает важность воспитания убеждений в юношеском возрасте: «Причина отсутствия общественных убеждений в нашем обществе... заключается в воспитании, которое получает русское юношество».

«Не получая основательного общего образования в средних учебных заведениях, не дающих никаких убеждений и не имеющих решительно никакого влияния на правильное развитие характеров, занимаясь потом специальными и большей частью техническими ремесленными предметами в технических учебных заведениях и даже в университетах, русская образованная молодёжь не выносит из воспитания никаких прочных метафизических воззрений, никаких выработанных нравственных и общественных принципов. Вот почему у нас часто можно встретить не только неопытных молодых людей, но даже искусных техников, моряков, математиков, инженеров, которые по неразвитию души своей являются или бессознательными эгоистами, как дети, или тоже настоящими детьми, готовыми подчиниться влиянию первой вздорной книжонки и первой блестящей, хотя в сущности эфемерной, мысли, которая почему-нибудь на них подействует».

«Выход есть, — заключает автор „Писем“, — но это выход один только: правильные христианские, европейские и русские общественные убеждения». А об источнике, в котором берут начало правильные христианские убеждения каждого христианского народа, Ушинский пишет на страницах своего труда «О народности в общественном воспитании»: «Есть только один идеал совершенства, пред которым преклоняются все народности, — это идеал, представляемый нам христианством. Всё, чем человек, как человек, может и должен быть, выражено вполне в Божественном учении, и воспитанию остаётся только в основу всего вкоренить вечные истины христианства. Оно даёт жизнь и указывает высшую цель всякому воспитанию, оно же и должно служить для воспитания каждого христианского народа источником всякого света и всякой истины».

Ознакомившись с «Письмами о воспитании наследника русского престола», написанными К. Д. Ушинским более полутора веков назад для одного-единственного человека высочайшего статуса, можно убедиться, что они важны, весьма поучительны и, по сути, адресованы всем современным учителям, воспитателям, школьным психологам, родителям. По своему содержанию «Письма о воспитании наследника русского престола» являются уникальным педагогическим пособием, сокрывающим в себе практическое руководство школьного, семейного и общественного воспитания.